

УДК 821.112.2

**ОБРАЗ Й.З. ОППЕНГЕЙМЕРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ НОВЕЛЛЫ В. ГАУФА «ЕВРЕЙ ЗЮСС»****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет)**tatnikita@gmail.com*

Проведен анализ художественной трактовки образа Й.З. Оппенгеймера в новелле немецкого романтика В. Гауфа, известного русскоязычному читателю преимущественно в роли сочинителя сказок. Образ еврея Зюсса рассмотрен во взаимосвязи с объективно-историческим содержанием эпохи XVIII в. и влиянием романтической традиции на толкование данного образа у В. Гауфа. В новелле «Еврей Зюсс» находят воплощение распространенные стереотипные представления о еврейском народе, имевшие хождение в Германии XVIII–XIX веков. Они отражают сформированный в сознании коренного большинства образ жадного до денег, хитрого, изворотливого, беспринципного представителя еврейского народа, выделяющегося из толпы своим внешним видом и манерой поведения. Трагическая судьба вюртембергского министра финансов и несчастная любовь актуария Густава Ланбека не сводятся у Гауфа к року, а неразрывным образом связаны с идеей свободного выбора героев. Для раскрытия этой идеи автор использует целый комплекс художественных средств – страшные предзнаменования, мотив игры, мотив переодевания героев, символику моста.

Ключевые слова: *новелла, романтизм, художественный образ, судьба, мотив игры, символ.*

Введение. Йозеф Зюсс Оппенгеймер (Joseph Süß Oppenheimer, 1698–1738), больше известный как «еврей Зюсс», – личность историческая и, в то же время, легендарная. Зюсс прославился своим стремительным карьерным ростом, огромным влиянием, которое он оказывал на государственную политику герцогства Вюртембергского, и страшной публичной казнью на одной из площадей Штутгарта. Незурядные способности молодого Оппенгеймера позволили ему стать «придворным евреем» [1, с. 106] нескольких немецких князей: курфюрста Пфальца Карла III Филиппа (1661–1742), ландграфа Эрнста Людвига Дармштадского (1667–1739) и, наконец, наследника вюртембергского престола принца Карла-Александра (Karl Alexander I Württemberg, 1684–1737).

Расцвет карьеры Зюсса совпал с эпохой раннего Просвещения, что во многом предопределило как головокружительный взлет ассимилировавшегося еврея, так и его трагическую гибель. Абсолютистские княжеские государства, пережившие в XVII веке эпоху своего расцвета, вступали во времена Зюсса в стадию развития капиталистических отношений и потому были особенно заинтересованы в так называемых «придворных факторах»¹ [2, с. 71], евреях, обладающих капиталом. Государственные правители приглашали богатых евреев в свои владения для развития внутренней и внешней торговли. По словам Вернера Зомбарта, немецкого экономиста, социолога и философа культуры, «в XVII–XVIII вв. едва ли существовало какое-либо немецкое государство, не располагавшее одним или несколькими придворными евреями, от финансовой поддержки которых в значительной степени зависело финансовое положение страны» [3, с. 176]. В то же время в большинстве княжеств все еще продолжала действовать система надзора и ограничений, регулировавшая все стороны жизни еврейских общин (выбор профессии, вступление в брак, место жительства и т.д. [4, с.10]). Даже во Франкфурте-на-Майне, финансовой столице тогдашней империи, в городе, 11% населения которого составляли евреи [5, с. 73], в 1732 году Йозеф Зюсс Оппенгеймер становится единственным евреем, добившимся права поселения вне стен гетто. В качестве аргумента ему пришлось использовать свой дипломатический статус официального представителя гессенского наследного принца [6, с. 12]. Основная же часть еврейского населения была лишена гражданских прав и терпела притеснения со стороны коренного большинства.

Привилегированное положение придворных евреев имело и свою оборотную сторону: судьба большинства из них была неразрывно связана с благополучием их господина. Как писал Лион Фейхтвангер в своей статье к роману «Еврей Зюсс»: «Евреев-финансистов было немало и в раннем средневековье, да и сейчас. Иные из них, в соответствии с последовательной логичностью, после лет, проведенных в роскоши, кончали свою жизнь в тюрьме или на виселице. Это был естественный риск всякого, кто принимал на себя обязанности придворного банкира, – он понимал, что если господину придется туго, то он окажется козлом отпущения. Так кончали свою жизнь еврей-финансисты испанских и мавританских королей, банкиры габсбургского кайзера и великих курфюрстов, так кончали свою жизнь евреи, управляющие имуществом греческих, польских, итальянских князей» [7]. Именно такая судьба и постигла

¹нем. Hoffaktor.

тайного советника по финансам герцога вюртембергского Йозефа Зюсса Оппенгеймара. Спустя несколько часов после скоростной кончины Карла Александра 12 марта 1737 г. Зюсс был арестован бароном Генрихом Рейнхардом фон Рёдером (Heinrich Reinhard Freiherr von Röder) и помещен под домашний арест, затем брошен в крепость Гогеннейфен (Hohenneuffen), а позже переведен в тюрьму Гогенасперг (Hohenasperg). Его дом опечатали, конфисковав все принадлежавшее ему имущество. Жизнь знаменитого финансового советника окончилась на виселице в 1738 году: Оппенгеймер был публично казнен за инкриминируемую ему преступную деятельность и государственную измену. Еще 6 лет его тело было выставлено в клетке на всеобщее обозрение, пока в 1744 году герцогом Карлом Евгением (Carl Eugen von Württemberg, 1728–1793) не был отдан приказ о захоронении останков у подножья виселицы [8, с. 449].

Все материалы судебного процесса по делу Зюсса были закрыты почти 200 лет и хранились в архиве г. Штутгарта, свободный доступ к ним стал возможен лишь в 20-ых годах прошлого века [9, с. 3]. На протяжении почти трех столетий биография Йозефа Зюсса Оппенгеймера становилась предметом пристального интереса историков, биографов и литераторов. Уже на девятый день после казни финансового советника тюрингский книготорговец Кристоф Генрих Бергер (Christoph Heinrich Berger) обратился к правительству с просьбой разрешить ему опубликовать материалы либо выдержки из судебного разбирательства по делу Зюсса, уверяя, что *«сейчас, как никогда, публика желает получить достоверные сведения об известных всему миру деликтах, чтобы отличить среди растущих слухов правдивые от ложных»*² [8, с. 449]. Но тайный совет принимает решение не возвращаться более к этому делу. Однако интерес к личности Зюсса не угасает, и одна за другой возникают новые версии жизни и смерти вюртембергского придворного еврея [10]³.

Основная часть. Особое место в череде толкований истории взлета и падения Й. Зюсса Оппенгеймера принадлежит новелле В. Гауфа (Wilhelm Hauff, 1802–1827) «Еврей Зюсс» («Jud Süß», 1827). Вильгельм Гауф, немецкий романист, сказочник и новеллист, в своем творчестве не раз обращался к еврейской теме. Примерами могут служить его сказка «Еврей Абнер, который ничего не видел» («Abner, der Jude, der nichts gesehen hat», 1826) и «Странички мемуаров сатаны» («Mitteilungen aus den Memoiren des Satan», 1826). Литературный историк Рольф Дюстерберг (Rolf Düsterberg) отмечает: *«Евреи ни в коем разе не играют в творчестве Вильгельма Гауфа только маргинальную роль – феномен, который до сих пор едва был замечен исследователями»* [13, с. 190].

Обращение В. Гауфа к теме еврейства было продиктовано самой эпохой и во многом отражало реальный характер отношения коренного большинства родной ему Швабии к представителям еврейской нации. Уроженец Штутгарта, В. Гауф не мог не заинтересоваться яркой личностью бывшего тайного советника по финансам герцога Вюртембергского. Тем более что отец писателя, Август Гауф (August Hauff), подобно Зюссу, в 1800 году провел почти год в заточении в знаменитой крепости Гогенасперг (Hohenasperg) по подозрению в принадлежности к подпольной революционной организации [14, с. 13]. Скандальная история жизни придворного еврея принадлежала полуполюгендарному прошлому его родного края и представляла собой тот самый «неслыханный случай», что, по определению И.В. Гёте [15, с. 215], и лежит в основе новеллистического жанра.

Интерес В. Гауфа к легенде о Зюссе был обусловлен, в том числе и тематикой современных ему политических дискуссий. В. Гауф родился 29 ноября 1802 года в Штутгарте в тот самый момент, когда город из резиденции небольшого Вюртембергского герцогства превращался в столицу Вюртембергского курфюршества (1803), а затем и королевства (1805). Исторически протестантский Вюртемберг значительно расширил свои владения за счет присоединения новых территорий, часть из которых находилась под влиянием католической церкви. Подписанный в 1819 году Вильгельмом I знаменитый «Конституционный акт» не только регулировал отношения между правящим монархом и представителями сословий

² Здесь и далее перевод немецких цитат при отсутствии ссылок на русскоязычные источники наш. – Л.С.

³ В 1738 году вышло анонимное издание «Правдивое и обстоятельное повествование, о том, что происходило с бывшим Вюртембергским финансовым советником, знаменитым вором и мошенником евреем Йозефом Зюссом в последние часы его жизни» («Wahrhafte und gründliche Relation, was sich in den letzten Stunden mit dem ehemalig Württembergischen Finanzen Directore anjetzo aber fameusen Ertz-Dieb und Landbetrüger Juden Joseph Süß zugetragen»). Тогда же, в год смерти Зюсса, Вильгельмом Иоганном Каспарсоном (Wilhelm Johann Casparson) была издана первая биография финансового советника «Жизнь и смерть прославленного еврея Йозефа Зюсса Оппенгеймера из Гейдельберга» («Leben und Tod des berühmigten Juden, Joseph Süß Oppenheimer, aus Heidelberg»). В ней автор упоминает о существовании других печатных изданий о Зюссе и сетует на отсутствие в них правдоподобия [11, с. 2]. В том же году Арнольдус Либериус (Arnoldus Liborius) выпускает в свет «Подлинную историю и жизнеописание прославленного вюртембергского авантюриста Еврея Йозефа Зюсса Оппенгеймера» («Vollkommene Historie und Lebens-Beschreibung des fameusen und berühmigten Württembergischen Aventuriers Jud Joseph Süß Oppenheimer»). Популярность Оппенгеймера в XVIII веке была настолько велика, что упоминания о нем присутствуют в «Большом универсальном словаре» («Grosser vollständiger Universal Lexicon Aller Wissenschaften und Künste») Иоганна Генриха Цедлера (Johann Heinrich Zedler [12, ст. 157–165]).

(выборным органом, считавшим себя выразителем интересов народа), но и гарантировал до определенной степени самостоятельность католической церкви. На самом же деле *«верхнерейнская церковь была причислена к гражданскому ведомству и подчинена опеке государства. Епископы превратились в чиновников и лишены были всякой самостоятельности в деле управления своими епархиями»* [16, с. 207]. Борьба сословных представителей за свои права и религиозное противостояние протестантов и католиков определяет во многом и характер развития событий в новелле Гауфа «Еврей Зюсс», главным героем которой становится актуариус Густав Ланбек – сын консула сословного представительства.

Едва заметными нитями связывает Гауф события исторического прошлого родной Швабии с актуальной политической ситуацией. В качестве эпиграфа к новелле он использует строки пролога к пьесе Л. Уланда «Эрнст, герцог швабский» («Ernst, Herzog von Schwaben») [17, с. 159]: *«Суровое зрелище откроеется Вам, / Занавес поднимется над миром, // Давно исчезнувшем в потоке лет, // И сраженья, давно уж отзвучавшие // Воскреснув, пролетят пред вашим взором* [18, с. 3]. Пьеса Уланда была написана в 1817 году и поставлена в Штутгарте 19 октября 1819 года по случаю празднования подписания вюртембергской конституции 1819 года. Пролог, созданный специально для штутгартской постановки, был затем включен Уландом в цикл «Отечественных стихотворений» (Vaterländische Gedichte). В этих стихах поэт не только сетует на потерю народом Вюртемберга «старого доброго права» («Das alte, gute Recht») [17, с. 134], но и выступает противником отмены старой конституции («Gespräch» [17, с. 140]). Поэти-романтик, представитель так называемой «швабской школы», Людвиг Уланд являлся страстным политическим деятелем, депутатом вюртембергского ландтага. Уланд представлял либерально-демократическую оппозицию и открыто высказывался против аристократического варианта конституции, предложенного королем Вильгельмом I, выступал в пользу сохранения и расширения прав сословного представительства. Апологетами тюрбингенского соглашения 1514 года выступают в новелле Гауфа противники Зюсса – старый консул Ланбек, его сын Густав, капитан Рельцингер, шталмейстер Рёдер и прелат Клингер.

Ревнителем национальных интересов представлены в новелле истинными патриотами, бескомпромиссными в борьбе со злом, обрушившимся на родную Швабию, истинными хранителями веры предков (протестантизма) и отвоєванных ими свобод. Устами Рёдера Гауф фактически повторяет строки из стихотворения Л. Уланда «Вюртемберг» («Württemberg»). Сравним у Уланда: *«Даже если бы кто и захотел тебя (Вюртемберг – прим. наше. – Л.С.) погубить / Это невозможно»* [17, с. 137] и у Гауфа *«Ведь не зря говорят, как ни старайся, а погубить этот край не удастся»* [6, с. 55]. И, кажется, именно лагерь Ланбека выступает олицетворением света и «добра» [19, с. 158], призванного остановить бесчинства финансового советника Зюсса.

Противопоставление двух миров Гауф начинает с внешнего вида главных героев своего рассказа. Экзотический костюм сарацина, в котором появляется на маскараде Густав Ланбек, подчеркивает простоту и естественность скрывавшегося за ним молодого шваба, обладающего, как и положено, *«светлыми локонами, естественными и ненапудренными», «отважным с горбинкой носом и темно-синими глазами»,* придававшими лицу *«выражение решительной силы и глубокой серьезности»* [6, с. 34]. Платье Зюсса, напротив, лишено всякой необычности, *«на нем не было ничего особенно роскошного, за исключением необыкновенно крупного солитера»* [6, с. 31], скреплявшего ярко красный воротник его накидки. И вместе с тем появление еврея становится *«блестящей кульминацией»* маскарада, в гущу которого и оказывается читатель на первых страницах гауфовского рассказа. Двери распахнулись, собравшиеся замерли в ожидании, и в зал вошел *«мужчина лет сорока, с запоминающимися, четко оформленными чертами лица, с блестящими, сверкающими глазами, быстро и внимательно пробежавшими по рядам»* [6, с. 31]. На нем было белое домино, белая шляпа с пурпурно-красными перьями, на которой красовалась небрежно надетая черная маска. Элегантность и шик в одежде выходца из еврейского гетто, его нежелание скрывать свое лицо за *«небрежно надетой черной маской»* выдают в нем человека уверенного в себе и своих поступках. Описание внешности Зюсса, подчеркнутое внимание автора к глазам главного героя, напоминают слова раба-рассказчика из Могадора, из написанной в том же году сказки Гауфа «Еврей Абнер, который ничего не видал» («Abner, der Jude, der nichts gesehen hat», 1826): *«Еврей, как ты знаешь, есть везде, и везде они евреи: лукавы, одарены для малейшей наживы соколиными глазами и хитры, тем хитрее, чем больше их угнетают. Они сознают свою хитрость и несколько гордятся ею»* [20, с. 169]. Сверкающие глаза, внимательно следящие за происходящим, становятся у Гауфа неотъемлемым атрибутом каждого представителя еврейского народа, так или иначе выделяющегося из общей массы, либо своей остроконечной шляпой, как это было в случае с евреем Абнером, либо своей элегантной одеждой, как у финансового министра Зюсса. При этом каждого еврея Гауф снабжает тем или иным символом денежного достатка и финансового благополучия. *«С остроконечной шапкой на голове, закутанный в скромный, не слишком опрятный плащ»* прогуливается Абнер за воротами Марокко *«время от времени украдкой беря щепотку табака из золотой табакерки, которую не любил показывать»*

[20, с. 169]. А всемогущий советник по финансам герцогства Вюртембергского нарочито выставляет напоказ свой «необыкновенно крупный солитер» [6, с. 31].

Специфичное для жанра новеллы необычайное происшествие разворачивается у Гауфа на фоне реальных исторических событий. С первых строк автор с точностью хроникера сообщает читателю время и место действия происходящих событий: «Никогда еще в Штутгарте карнавал не праздновался с таким блеском и с подобной пышностью, как в 1737 году» [6, с. 30]. Итак, 12-го февраля 1737 года в штутгартском дворце Зюсса, финансового советника и министра Вюртембергского герцогства, происходит великолепный бал-маскарад по случаю дня рождения хозяина дома. Точной даты рождения Й. З. Оппенгеймера не сохранилось. Символичной в этом контексте представляется попытка автора объединить воедино знаменитые масленичные гуляния, сопровождавшиеся карнавальными шествиями, с днем рождения главного героя. С карнавалом, как известно, связаны не только многовековые традиции шутовства, площадных зрелищ и карнавальных свобод. Карнавал – это еще и вакхическое пиршество, своего рода праздник жизни, хозяином которого и выступает блестяще появившийся на авансцене еврей Зюсс. Чтобы подчеркнуть чужеродность карнавального блеска и неистового веселья для размеренной жизни протестантского Вюртемберга, Гауф использует ряд антонимических эпитетов: незнакомец, попавший в эти дни в «гигантские по своим размерам», «пышно декорированные» залы, дивясь тысячам «сверкающих» и «веселящихся» масок, будучи оглушаемым фанфарами «многочисленных» музыкальных оркестров, едва бы поверил, что находится в «строгом» и «серьезном» Вюртемберге, с его «усердным» и «аскетичным» протестантизмом [6, с. 30].

На балу происходит неприятный инцидент: группа ряженных, пользуясь масками и опираясь на многовековое право карнавальной свободы, обращается к финансовому советнику с оскорбительными речами. Переодетые незнакомцы не ограничиваются обвинениями в адрес Зюсса относительно его политико-экономической деятельности: денежных махинаций, преступной финансовой политики, направленной на обнищание страны, подготовке государственного переворота. Национальная принадлежность министра финансов волнует ряженных крестьян ничуть не меньше. «Добрый вечер, земляк» – дружелюбно приветствует Зюсс одного из незнакомцев. На что тот отвечает: «Я Вам не земляк» [6, с. 36]. И вслед за этим следует не просто указание на национальную принадлежность финансового советника, но используется иронически-язвительный синоним «мойша» («Mauschel») к стилистически нейтральному «еврей» («Jude»): «...так, как я, мойшы (курсив мой – Л.С.) себя не ведут» («...so wie ich tragen sich gewöhnlich die Mauschel nicht») [6, с. 36]. Согласно исследованиям В.Б. Медведева существительное «Mauschel» всегда сохраняло «неизменно негативное содержание» [21, с. 66] и использование его в речи, особенно при обращении к лицу, занимающему столь высокий государственный пост, воспринималось как вызов. Но даже после этого оскорбления Зюсс продолжает с невозмутимым видом вести беседу с ряженными.

Вся сцена разыгрывается в непосредственной близости от игрального стола, за которым несколько минут назад всемогущий финансовый советник спокойно проигрывал и выигрывал огромные суммы. Мотив игры – один из наиболее излюбленных художественных приемов немецких романтиков при трактовке такого важного понятия как судьба. Чувствуя себя полновластным распорядителем разворачивающегося праздника жизни, Зюсс Оппенгеймер словно испытывает предел дерзости карнавальных масок, не прерывает их и продолжает карточную игру, лишь внимательно прислушиваясь к происходящему. Пожалованный именованному эдикт герцога Вюртембергского, признававший его (Зюсса) «невиновным во всех прошлых и будущих деяниях» [6, с. 30], придавал придворному еврею уверенности в том, что во всем этом театральном действе под названием «жизнь» роль ведущего актера, собственным волеизъявлением заставляющим двигаться подвластных ему марионеток, принадлежит именно ему. Его не задевают иронические замечания ряженных об остроконечных еврейских бородах и заселении страны иудеями: «Зачем ты отпустил такую острую бороду? Это выглядит совсем по-еврейски. – Так сейчас модно, – возразил Ганс, – с той поры как наши земли заселили евреи, я скоро полностью стану как еврей» [6, с. 37]. Кажется, ничего не может вывести из себя осознающего свою власть финансового советника. Но неожиданно одна единственная фраза: «Погоди еще пару недель, тогда ты еще и католиком станешь!», производит эффект взорвавшейся бомбы, заставляет министра «поблестеть словно труп», «вскочить с кресла» и «с бешеным взглядом отбросить карты». Кукольник утрачивает свою власть над марионетками и к концу новеллы сам превращается в игрушку политических игр. Два противоборствующих лагеря меняются ролями и черная маска Зюсса, лишь формально присутствовавшая на его наряде во время бала, надежно закрепляется в сознании народа как истинное лицо придворного еврея. Вспомним лишь некоторые эпитеты, парафразы и метафоры, встречающиеся в тексте при характеристике этого персонажа: «хитрый лис» («kluger Fuchs») [6, с. 32], «злодей» («böser Mann») [6, с. 41], «пугающий человек» («gefürchteter Mann») [6, с. 45] «злостный подстрекатель герцога» («des Herzogs böser Einbläser») [6, с. 81]. Для коренного населения герцогства Вюртембергского именно он является врагом государства, ведущим его к полнейшему упадку своей опасной деятельностью: «Кто же твой господин? – спросил

крестьянин. – Живодер, но благородный. Ты думаешь, он сдирает шкуру с лошадей, со скота, с собак и им подобных? Нет, он снимает шкуру с людей...» [6, с. 36–37].

История взлета и падения Й. З. Оппенгеймера неразрывными нитями связана с судьбой его царственного покровителя герцога Карла Александра. Однако его образ Гауфом всячески «затушевывается» [22, с. 69]. Не он, а Зюсс, выступает у Гауфа истинным правителем герцогства, что противоречит результатам последних исследований историка, сотрудника федерального архива земли Баден-Вюртемберг д-ра Йоахима Брюселя. В своей работе «Карл Александр Вюртембергский и сословное представительство (1733–1737)» («Herzog Karl Alexander von Württemberg und die Landschaft (1733 bis 1737)») немецкий исследователь весьма доказательно заявляет о самостоятельности герцога в принятии решений по вопросам внутренней и внешней политики и ограничивает сферу влияния придворного еврея Оппенгеймера исключительно финансовой деятельностью. При этом инициатором осуществляемых в этот период в Вюртемберге реформ д-р Брюсель считает именно Карла Александра, а вовсе не его финансового советника [23]. В художественном мире новеллы Гауфа в сознании представителей ландтага герцог остается «храбрым солдатом и мужем чести, который мог бы одолеть сотню тысяч воинов» [6, с. 56]. У подданных не вызывает сомнения, что он будет «краснеть от стыда» [6, с. 56], когда узнает, к каким несчастьям хотели его привести заговорщики во главе с Зюссом. Храбрый солдат и вояка Карл Александр слишком велик в глазах подданных, чтобы вникать во внутреннюю политику, проводимую его советниками. Заговорщики настолько уверены в невиновности герцога, что намерены арестовать Зюсса и его сторонников и затем показать герцогу, «у какой ужасной пропасти стоял он и вся страна» [6, с. 71].

Демонизация образа Зюсса и его приспешников (например, «ужасного Гальвакса», который создавал «много гибельных планов», «вводил всевозможные монополии и стремился изобретать все новые и новые» [6, с. 72]) заставляет читателя предположить, что отец и сын Ланбек, капитан Рельцингер и шталмейстер Рёдер, стремящиеся изо всех сил предотвратить готовящийся государственный переворот, и есть воплощение демократических чаяний многострадального Вюртемберга. Однако подобного рода трактовка не вполне согласуется с несчастной судьбой престарелого Густава Ланбека, некогда благоразумно устоявшего перед чувственным соблазном и до конца оставшегося верным своему долгу перед семьей и родиной. Мы вновь встречаемся с Густавом на последних страницах повествования и узнаем, что он так никогда и не женился, а выражение его лица теперь всегда «серьезно и мрачно» [6, с. 79]. Судьбоносным оказалось знакомство молодого архивариуса Ланбека с красавицей еврейкой, сестрой Зюсса, жившей по соседству. Образ прекрасной Леа – ключ к трактовке судьбы главных героев. Необычная красота девушки, лицо которой «можно было бы назвать совершенным воплощением восточной красоты» [6, с. 32], заставляет Густава, может быть, впервые в жизни совершить поступок, идущий вразрез с волею его родителя. Будучи прекрасно осведомленным о крайне нетерпимом отношении отца к иноверцам, он, тем не менее, с любовью и заботой организует свою встречу с Леа на балу. Да и после страшных угроз финансового министра отомстить Ланбеку-старшему, если его сын откажется жениться на его сестре, Густав так и не может побороть в себе то непреодолимое, чарующее чувство, что неустанно манит его к красавице-еврейке: «... я не знаю, что это: тщеславие, глупость, любовь или влияние того чудесного колдовства, которыми обладают дочери Израиля, но его влекло туда неодолимое нечто...» [6, с. 58]. В жизнь молодого архивариуса, каждый день которого был педантично распisan по минутам, врывается настоящее чувство. И это испытание любовью Густав Ланбек проигрывает.

Доведенная до предела принципиальность главного героя превращает его самого в безликое орудие несовершенной судебной системы. Ревностно оберегая свою честь и достоинство, Густав во время последней встречи отказывается отчаявшейся Леа изъять из дела компрометирующее Зюсса письмо, о существовании которого знал он один. Пожизненное тюремное заключение, но не смерть – это все, о чем молила бывшая возлюбленная экспедиционного советника Густава Ланбека. Но ему, истинному сыну немецкого народа, легче «пожертвовать своей жизнью», но «не своей честью», «не своим добрым именем» [6, с. 76]. Лишь повзрослев и став мудрее, Густав, как и многие в герцогстве начинают понимать, что Зюсс «должен был умереть на виселице не столько за свои тяжкие преступления, сколько за гнусные деяния и преступные планы более влиятельных людей» [6, с. 78]. И заслуженному экспедиционному советнику, сделавшему некогда свой выбор в пользу высоких идеалов, не остается ничего иного как пускаться в «метафизические рассуждения» [6, с. 79].

В своей трактовке образов главных героев В. Гауф, отдавая дань романтической традиции, наполняет художественный мир новеллы рядом фантастических элементов. Едва ли мы можем согласиться с М.В. Чернышевой в том, что «фантастический элемент используется В. Гауфом только для украшения и привлечения большего внимания со стороны читающей публики» [24, с. 151]. Ведь как отмечает Т.М. Гордеёнок: «Основные формы художественного воплощения понятия судьбы неразрывно связаны с фантастическими мотивами и образами, которые, нарушая нормы условности, способствуют символизации повествования и становятся наиболее оптимальным средством выражения мироощущения и понимания судьбы у немецких романтиков» [25, с. 9–10].

Атмосфера ужаса и тайны окутывает Густава и капитана Рельцингена, спешащих ночью в Людвигсбург: «*Два молодых человека молча мчались сквозь темную ночь. На небе не виднелось ни одной звезды, и где-то в горах завывал ветер*» [6, с. 70]. Они скачут мимо железной виселицы алхимика Георга Гонауэра и видят стаю воронов: «*Смотри на эту ужасающую стаю воронов, они словно почуяли новую добычу*» [6, с. 70] – обращается Рельцингер к Густаву. Ланбек лишь взглянул на птиц и тотчас закрыл глаза. Ему вдруг привиделось нежное лицо Леа, сидящей и оплакивающей кого-то у виселицы. Появление в повествовании воронов и их связь с Леа весьма символичны, так как ворон обладает глубокой мифологической семантикой. Птица эта воспринимается, как правило, в качестве посредника между жизнью и смертью, «*между этим миром и потусторонним*» [26, с. 460]. Между жизнью и смертью находилась и судьба Зюсса при последней встрече Леа с Густавом, и выбор в одну или другую сторону должен был сделать он.

Но самый удивительный и вселяющий страх эпизод случается в тот момент, когда Густав и капитан пересекают мост между Штутгартом и Людвигсбургом. Множество преданий и страшных историй слышали молодые люди об этом месте. И вот, «*сын консулата и его друг, весельчак капитан, быстро и счастливо добрались до этого моста, и вдруг их лошади отказались двинуться с места, зафыркали и задрожали. Молодые люди стали их прищипывать, и тогда дрожащий голос произнес: «Подайте же милостыню старику!»*» [6, с. 70]. Незнакомец заявил, что подаяние принесет всадникам счастье и удачу. Опасный мост – своего рода испытание, преодоление которого, герой обычно переживает как существенное изменение, взросление, постижение истины. Капитан намерился ударить нищего, но не смог, а Густав, дрожа выгасил кошелек и бросил в шапку старика серебряную монету. Незнакомец поблагодарил Ланбека, напроорочил ему удачи и исчез. Спустя некоторое время, в тюрьме при встрече с Зюссом Густав Ланбек вновь слышит все ту же просьбу о милосердии: «*Подайте же ей (Леа – прим. Л. С.) милостыню из милосердия*» [6, с. 75]. Но на этот раз выполнять просьбу молящего Ланбек не стал, а значит и обещанного счастья ему уж не дожидаться. Чувство сострадания, заставившее его бросить серебряную монету нищему, помогло Ланбеку избавить свою семью от нависшей над ней опасностью, а неготовность проявить милосердие к участи Зюсса навеки лишило надежды на личное счастье.

Заключение. Образ Йозефа Зюсса Оппенгеймера привлекает к себе внимание литераторов вот уже на протяжении почти трехсот лет. Каждая историческая эпоха находит для себя в трагической истории жизни и смерти финансового советника герцога Вюртембергского что-то новое. Актуальность обращения к полуполюгендарному прошлому сегодня обусловлена усиливающимся в современном обществе ростом националистических настроений и религиозной ненависти. О силе и влиянии на умы нации личности И.З. Оппенгеймера в 2004 году в Гамбурге уже велась дискуссия в рамках одноименной научной конференции. Не следует также забывать, что образ уже фактически канонизированного еврея Зюсса использовался идеологами фашизма при создании известного пропагандистского фильма. Именно поэтому зафиксированный на сегодня рост количества межнациональных и религиозных конфликтов заставляет представителей гуманитарных наук с особым вниманием относиться к художественным образам, формирующим массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Breuer, Mordechai. Hofjuden in Wirtschaft und Politik / M. Breuer // *Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit* / M. Breuer, M. Graetz. – München: C.H. Beck, 1996. – Bd. 1: Tradition und Aufklärung. – S. 106–118.
2. Stern, S. Der Hofjude im Zeitalter des Absolutismus / Selma Stern; aus dem Englischen übertr., komment. und herausg. von M. Sassenberg. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. – 263 S.
3. Зомбарт, В. Евреи и экономика / В. Зомбарт // *Собр. соч.*: в 3 т. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – Т.2. – С. 105–643.
4. Awerbuch, M. Alltagsleben in der Frankfurter Judengasse im 17. und 18. Jahrhundert / M. Awerbuch // *Jüdische Kultur in Frankfurt am Main*; hrsg. von Karl E. Grözinger. – Wiessbaden: Harassowitz Verlag, 1997. – S. 1–24.
5. Karpf, E. Eine Stadt und ihre Einwanderer / E. Karpf. – Frankfurt am Main: Campus GmbH, 2013. – 414 S.
6. Koch, J. Joseph Süß Oppenheimer, genannt «Jud Süß». Seine Geschichte in Literatur, Film und Theater / J. Koch. – Darmstadt, 2011. – 152 S.
7. Фейхтвангер, Л. О романе «Еврей Зюсс» [Электронный ресурс] / Л. Фейхтвангер // *Лехаим*. – 2000. – № 102. – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/102/zuss.htm>. – Дата доступа: – 09.05.2015.
8. Haasis, Hellmut G. Joseph Süß Oppenheimer, genannt Jud Süß. Finanzier, Freidenker, Justizopfer / Hellmut G. Haasis. – Reinbeck: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 2001. – 480 S.
9. Kretzschmar, R. Beschlagnahme Briefschaften. Der Kriminalprozess gegen Joseph Süß Oppenheimer / Robert Kretzschmar // *Archiv-Nachrichten*. – Stuttgart: Landesarchiv Baden-Württemberg, 2007. – № 34. – S. 2–3.
10. Gerber, B. Jud Süß. Ausstieg und Fall im frühen 18. Jahrhundert. Ein Beitrag zur historischen Antisemitismus- und Rezeptionsforschung / B. Gerber. – Hamburg: Christians, 1990. – 754 S.
11. Leben und Tod, des Berichtigten Juden Joseph Süß Oppenheimers aus Heidelberg // Hrsg. J. Chr. G. W. Casparson. – Frankfurt; Leipzig, 1738. – 72 S.

12. Süß Oppenheimer // Großes vollständiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste; hg. von Johann Heinrich Zedler, Bd. 41. – Leipzig/Halle, 1744. – Sp. 157–165.
13. Düsterberg, R. Wilhelm Hauffs opportunistische Judenfeindschaft / R. Düsterberg // Zeitschrift für deutsche Philologie. 2000. – Bd. 119. – Т. 2. – S. 190–212.
14. Birkert, A. Hegels Schwester. Auf den Spuren einer ungewöhnlichen Frau / A. Birkert. – Ostfildern : Jan Thorbecke Verlag, 2008. – 352 S.
15. Эккерман, И. Разговоры с Гёте / И. Эккерман ; пер. с нем. Н. Холодковского. – М. : Изд-во Заходер, 2003. – 448 с.
16. История XIX века : в 8 т. / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. – М. : ОГИЗ, 1938–1939. – Т. 4. Время реакции и конституционные монархии. 1815–1847. Часть вторая / под ред. Е.В. Тарле. – 1938. – 528 с.
17. Uhland, L. Uhlands Gedichte und Dramen / Ludwig Uhland ; Volksausgabe. Erster Band. – Stuttgart : Verlag der J. G. Gottaschen Buchhandlung, 1863. – 278 S.
18. Hauff, W. Jud Süß / W. Hauff. – Berlin : Hofenberg, 2015. – 68 S.
19. Mojem, H. Heimatdichter Hauff? Jud Süß und die Deutschen / H. Mojem // Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag. – 48 Jahrgang. – S. 143–166.
20. Гауф, В. Еврей Абнер, который ничего не видел / В. Гауф // Сказки. – М. : Престиж Бук, 2007. – С. 169–180.
21. Медведев, В.Б. Этнодетерминационная концепция языка в энергетическом аспекте : дис. д-ра фил. наук : 10.02.19 / В.Б. Медведев. – М., 2014 – 427 с.
22. Изотов, И.Т. Ранние исторические романы Л. Фейхтвангера / И.Т. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2010. – 160 с.
23. Brüser, J. Herzog Karl Alexander von Württemberg und die Landschaft (1733 bis 1737) – Katholische Konfession, Kaiserstreue und Absolutismus / Joachim Brüser. – Stuttgart : Kohlhammer. – 272 S.
24. Чернышева, М.В. Новеллистика Вильгельма Гауфа в контексте литературы его эпохи : дис. канд. фил. наук : 10.01.03 / М.В. Чернышева. – Воронеж, 2010. – 194 л.
25. Гордеёнок, Т.М. Концепция судьбы в прозе немецкого романтизма : дис. канд. фил. наук : 10.01.03 / Т.М. Гордеёнок. – Новополоцк, 2008. – 128 с.
26. Королев, К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К.М. Королев. – СПб. : Мидгард, 2005. – 602 с.

Поступила 4.07.2016

J. S. OPPENHEIMER'S IMAGE IN THE ARTISTIC WORLD OF W. HAUFF'S NOVELLA "JEW SUSS"

L. SIAMCHONAK

The article deals with the analysis of artistic representation of J.S. Oppenheimer's image in the novella of W. Hauff, the German romanticist, who is known predominantly in the role of a storyteller to the Russian speaking reader. The image of Suss, the Jew, is considered in the correlation with the objective historical content of the era of XVIII century and the influence of the romantic tradition on Hauff's interpretation of the image under discussion. In the novella "Jew Suss" common stereotyped perceptions about the Jewish people which were in circulation in Germany of XVIII–XIX centuries find incarnation. They reflect the image having been created in the consciousness of the majority and that was of hungry for money, cunning, dodgy, unprincipled representative of the Jewish people, standing out of the crowd by his appearance and the demeanour. The tragic fate of the Minister of Finance from Wuerttemberg and unhappy love of Gustav Lanbek, an actuary, are not narrowed down by Hauff to the destiny but are linked inextricably with the idea of the characters' free choice. To unfold the message the author uses the entire set of the artistic means-frightening omens, the motive of the play, the motive of characters' clothes changing, the symbolism of the bridge.

Keywords: novella, romanticism, image, fate, the motive of the play, symbol.